

А. П. Фальц–Фейн

ПИСЬМО К В. С. НЕЧАЕВОЙ
ОТ 16–20 ОКТЯБРЯ 1957 г. ИЗ МЕНТОНЫ

Недавно в Отдел рукописей Государственного литературного музея от потомков основателя и первого директора Музея Ф. М. Достоевского в Москве Веры Степановны Нечаевой (1895–1979) поступили документы ее личного архива¹. Среди них находится и публикуемое ниже письмо. Автор его — Анна Петровна Фальц–Фейн (урожд. Цугаловская, 1870–1958), родная сестра Екатерины Петровны Достоевской (1875–1958), жены сына писателя — Федора Федоровича Достоевского. Последние 8 лет своей жизни сестры провели на юге Франции, в Ментоне, в доме для престарелых русских эмигрантов (Maison Russe). Их судьба уже была предметом исследовательского внимания: собраны многочисленные фактические данные, опубликована часть обширной переписки². Публикуемое письмо к В. С. Нечаевой по характеру сообщаемых в нем фактов и по самой своей стилистике органично встраивается в ряд эпистолярных посланий, написанных сестрами Екатериной Достоевской и Анной Фальц–Фейн в 1950-е гг. из «Русского дома» (особенно близко оно письмам А. П. Фальц–Фейн к директору Музея Достоевского в Москве в 1950-е гг. Г. В. Коган, помещенным в Приложении к книге «Письма из Maison Russe»). Таким образом, настоящая публикация является продолжением и дополнением предыдущих. Вместе с тем, публикуемое письмо А. П. Фальц–Фейн имеет в сравнении с уже известными документами свой, особый интерес, обусловленный прежде всего тем, что в нем содержится уникальная информация о жизни невестки и внуков Достоевского в Симферополе в 1920–40-е гг., а также ряд важных свидетельств о сыне писателя Ф. Ф. Достоевском (инцидент с севастопольской ЧК 1921 г.), о судьбе захоронения А. Г. Достоевской в Ялте, о перипетиях части оставшегося после смерти жены писателя летом 1918 г. семейного архива и т. п.. Судьбы потомков Достоевского в XX в., судьбы бесценного рукописного наследия великого писателя при чтении публикуемого письма раскрываются в каких-то новых, неизвестных прежде гранях.

¹ Государственный Литературный музей. Отдел рукописей (далее — ОР ГЛМ). Фонд 81.

² См.: Письма из Maison Russe / Сост. В. Г. Безносова и Б. Н. Тихомирова; примеч. Б. Н. Тихомирова и Г. В. Коган. СПб.: «Акрополь». 1999; Письма Е. П. Достоевской и С. А. Старикова к А. Л. Бему / Публ. М. Бубениковой и Б. Н. Тихомирова // Достоевский и мировая культура. СПб., 2000. № 15. С. 245–266; Письма Е. П. Достоевской к Альфреду Бему (1929–1936) / Публ. М. Бубениковой и Б. Н. Тихомирова // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. № 18. С. 189–228; Письма Е. П. Достоевской к мюнхенскому издателю Р. Пиперу и членам его семьи (1944–1955) / Публ. Э. Хексельшнейдера // Там же. С. 229–258.

[16–20 октября 1957]

Многоуважаемая Вера Степановна!

Простите великодушно мой столь запоздалый ответ.³ Но Вам станет ясно, как трудно мне писать такое письмо. Малодушно все откладывала, но все равно надо собраться с духом наконец. Полученное Вами письмо⁴ писала я, Н<ина> П<етровна>⁵. У меня тяжкое горе. У моей несчастной сестры Е<катерины> П<етровны> острый склероз мозга. Она окончательно потеряла память, не узнает лиц, одно время она находилась в страшном возбуждении. К счастью, таблетки для успокоения мозга пока действуют. Она стала спокойнее. Но Вы поймете меня, как мне безумно тяжело видеть мою умную Е<катерину> П<етровну>, умом, живым восприятием всех событий которой всегда все восхищались, — видеть в таком состоянии.⁶ К большому сожалению, отпадают ответы на все Ваши вопросы⁷. Постараюсь передать то, что мне известно, но и это проблематично. Всю жизнь я прожила в имении, мимолетно бывала в быв<шем> Петербурге, лишь изредка встречалась с Анной Гр<игорьевной>, одной из самых замечательнейших личностей. Всегда огорчаюсь, что в литературе так мало уделено внимания этой светлой труженице, отдавшей всю свою жизнь, все свои физические и душевные силы обожаемому мужу⁸.

³ Текст письма приведен в соответствие с правилами современной орфографии и печатается с сохранением лишь некоторых грамматических особенностей оригинала. На полях первой страницы помета: «Началá 16-го октября».

⁴ Речь идет о первом письме из Ментоны (не сохр.), полученном в Москве в конце лета 1957 г. 28 августа 1957 г. Г. В. Коган писала А. Ф. Достоевскому: «Недавно в музей, на имя заведующей музеем В. С. Нечаевой, пришло письмо от Е. П. Достоевской. Но мы его не вскрываем, ждем, когда придет из отпуска В<ера> С<тепановна>» (ЦГАЛИ СПб. ф. 85, оп. 1, ед. хр. 86). В. С. Нечаева заведовала московским музеем Ф. М. Достоевского в 1928–1940 гг.; в 1950-е гг. она работала зав. сектором текстологии в ИМЛИ им. А. М. Горького. Но Е. П. Достоевская, которая переписывалась с Нечаевой еще в предвоенные годы, этого не знала. После ответа В. С. Нечаевой в Ментону публикуемое письмо А. П. Фальц–Фейн посылает уже на адрес ИМЛИ.

⁵ Выйдя замуж за немца — А. Э. Фальц–Фейна, Анна Петровна по немецкой традиции приняла двойное имя: Анна–Нина. После революции она жила в Советской России под именем *Нины Петровны Цугаловской*. Практика написания Анной Петровной в последние годы жизни писем от имени Екатерины Петровны была, можно сказать, обычной. Это объяснялось тяжелым заболеванием последней. Ср.: Письма из Maison Russe. С. 332, 333–334.

⁶ Об этом также см.: Письма из Maison Russe. С. 204–211, 328–329 (письма А. П. Фальц–Фейн к А. Чезана от 17 ноября 1957 г. и А. Ф. Достоевского к Г. В. Коган от 25 октября 1957 г.).

⁷ Письмо В. С. Нечаевой к Е. П. Достоевской в Ментону неизвестно.

⁸ Ср. в письме Е. П. Достоевской к Г. И. Чулкову от 24 октября 1930 г.: «Всем известно, каким преданным, любящим другом и женою была Ан<на> Гр<игорьевна> для Фед<ора> Мих<айловича>, сколько труда, заботы и старания было проявлено ею, чтобы обеспечить творчеству Фед<ора> Мих<айловича> хотя бы относительный при их скудных средствах покой и комфорт, — поэтому было бы лишь справедливым исполнить ее горячее желание и просьбу быть похороненной вместе с Фед<ором> Мих<айловичем>. <...> Ан<на> Григ<орьевна> имеет помимо всего и личные заслуги как создательница музея–комнаты Достоевского, кот<орая> была задумана, исполнена и пополнялась <ею> в продолжении всех последних десятилетий ее жизни...» (ОР ГЛМ, ф. 81, оп. 1, д. 97, л. 1 об.).

Меня всегда в ней поражал неистощимый запас энергии, жизнерадостности, тонкого юмора, несмотря на ее тяжелую, полную лишений жизнь и то горе, кот<орое> причиняли ей ее дети, в особенности эгоистичная Люб<овь> Ф<едоровна>, кот<орая> ее обирала до последнего гроша⁹. Немало слез пролила А<нна> Г<ригорьевна> из-за нее.¹⁰

Может быть, Вам неизвестно, что А<нна> Г<ригорьевна> писала прелестные пьески для великосветских спектаклей¹¹. Была она скромна до чрезвычайности и старалась после кончины Ф<едора> М<ихайловича> держаться всегда в тени. Е<катерину> П<етровну> она очень любила и ценила, называла ее «моя умница». Вдвоем они долго вели все корректуры по изданию произведений Ф<едора> М<ихайловича>. Никто, как Е<катерина> П<етровна>, не смог бы дать точный и верный облик А<нны> Г<ригорьевны>, с кот<орой> она проводила столько времени. Е<катерина> П<етровна> всегда повторяла, что «<>это мой долг обрисовать А<нну> Г<ригорьевну> такой, какой она действительно была<>»¹². Она несколько раз начинала в этом смысле свои воспоминания, но, видно, мозговой процесс начался давно, т<ак> к<ак> у неё не хватало сил их продолжать.

Обе мы были <в 1944 г.> под разрушенным домом, это чудо, что остались живы. У Е<катерины> П<етровны> был двойной перелом правой ноги, у меня левой руки от плеча до локтя¹³. Когда нас полумертвых вынесли из поезда на носилках в Лодзи, мы не были в состоянии просить, чтобы наш багаж доставили в больницу, в кот<орую> нас повезли. Его сложили в сарай возле вокзала. При дальнейшей эвакуации оказалось, что поляки украли восемь мест, между ними находился чемодан с некоторыми

⁹ Ср. свидетельство Е. П. Достоевской: «Судя по ее (Любови Федоровны. — Б. Т., Н. Б.) последним письмам, она к концу жизни стала мягче и отзывчивее. Она настойчиво звала меня с <сыном> Андреем за границу, обещая свою поддержку и участие многочисленных почитателей Фед<ора> Мих<айловича>. Она интересовалась судьбой моего сына Андрея и старалась утешить меня в моей потере моего старшего сына <Федора>. Одним словом, судя по этому, она очень изменилась...» (Цит. по: Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. М., 1933. С. 132; упомянутые Е. П. Достоевской письма к ней Любови Федоровны 1925–1926 г. из Италии см.: Достоевский и мировая культура. СПб., 1999. № 13. С. 259–267; публикация Н. В. Паншева и Б. Н. Тихомирова). Также см. письмо Л. Ф. Достоевской к президенту Чехословацкой республики Т. Г. Масарику от 13 сентября 1925 г., в своей большей части посвященное заботам о судьбе племянника — Андрея Достоевского (Достоевский и мировая культура. № 18. С. 225–227).

¹⁰ Об отношениях А. Г. и Л. Ф. Достоевских также см. в публикации В. Н. Абросимовой: А. Г. Достоевская: последний год жизни в воспоминаниях и письмах // Достоевский и мировая культура. М., 1999. № 12. С. 239–250.

¹¹ Известен фарс А. Г. Достоевской «Рекомендация» (1896) и сцена–монолог «Исповедь Мармеладова» (1901), не появлявшиеся в печати (см.: Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957. С. 542). О постановке на сцене (хотя бы любительской) драматических произведений А. Г. Достоевской сведений не имеется.

¹² См., например, выразительные строки, рисующие облик Анны Григорьевны в последние годы жизни, в письме Е. П. Достоевской к Р. и Г. Пиперам от 4 сентября 1947 г. (Достоевский и мировая культура. № 18. С. 239–240).

¹³ Подробнее см.: Письма из Maison Russe. С. 42–43 (письмо А. П. Фальц-Фейн к А. Чезана от 19 ноября 1951 г.).

письмами семьи Дост<оевских> и несколько записных книжек Анны Г<ригорьевны>¹⁴. Потеря невознаградимая.

Остальное, что я сообщаю, известно мне из статьи писательницы Н. Берберовой¹⁵, кот<орая> находится в Америке. Она посетила А<нну> Г<ригорьевну> в Ялте незадолго до ее кончины.¹⁶ Эту статью я целиком переписала Андрею <Федоровичу Достоевскому>.¹⁷ Статья производит потрясающее впечатление. Иногда по ночам я буквально переживаю те страдания, кот<орые> должна была испытывать несчастная А<нна> Г<ригорьевна>, умирая в полном одиночестве, с ужасом на душе, что станется с корзиной, кот<орую> она привезла из Хосты¹⁸, где находился ее участок и где она проводила лето вместе с Е<катериной> П<етровной> и ее внуками Федюшей и Андреем. В корзине, по словам Берберовой, находились книги, бумаги, дневники, черновики, варианты, библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф<едора> М<ихайловича>, кот<орый> она довела до 1912 года [*приписка на полях*: год мне не совсем понятен], со вкладными листами, с алфавитным и хронологическим указателем. В корзине находились 11 пакетов с письмами Ф<едора> М<ихайловича> к ней, перевязанные лентами.¹⁹ Жила она в гост<инице> «Франция»²⁰ в невероятной бедности. Была

¹⁴ Об этом эпизоде см. также письмо Е. П. Достоевской к А. Л. Бему от 23 июня 1944 г. (Достоевский и мировая культура. 2001. № 15. С. 250–252).

¹⁵ См.: Берберова Н. Смерть Анны Григорьевны // Последние новости (Париж). 1938. 8 мая. № 6251; републиковано В. Н. Абросимовой: Достоевский и мировая культура. М., 2003. № 17. С. 469–475.

¹⁶ Из письма А. П. Фальц-Фейн, как кажется, можно заключить, что Н. Берберова общалась с Анной Григорьевной в 1918 г. в Ялте лично, однако это представляется сомнительным и, по-видимому, надо согласиться с С. В. Беловым, предположившим, что эссе написано по чьим-то рассказам (ср.: Белов С. В. Жена писателя. Последняя любовь Ф. М. Достоевского. М., 1986. С. 201); также см. примеч. 19.

¹⁷ А. Ф. Достоевский близко к тексту пересказывает несколько фрагментов эссе Н. Берберовой в статье: Достоевский А. Ф. Анна Достоевская // Женщины мира. 1963. № 10. С. 32–34 (главка «Последние месяцы жизни»).

¹⁸ С апреля 1917 г. А. Г. Достоевская жила в своем кавказском имении *Отрада* (участок № 50, 11 десятин леса и 2 десятины сада, между поселками Хоста и Адлер, южнее деревни Нижняя Николаевка, приобретен ею в 1913 г. за 1359 руб. золотом). 22 сентября 1917 г. она выехала из *Отрады* с невесткой и внуками на ближайшую железнодорожную станцию Хоста, где они расстались. Е. П. Достоевская с детьми поехали в Пятигорск, где в это время находился Ф. Ф. Достоевский, а Анна Григорьевна — в Туапсе и затем морем в Ялту. О причинах их экстренного отъезда из кавказского имения см. в публикации В. Н. Абросимовой (Достоевский и мировая культура. № 12. С. 232–233).

¹⁹ О судьбе оставшихся в Ялте после смерти А. Г. Достоевской материалов семейного архива см.: Достоевский и мировая культура. СПб., 2002. № 16. С. 166–171. Вызывает удивление упоминание одиннадцати пакетов с письмами Достоевского к Анне Григорьевне: эти одиннадцать пакетов (с письмами, разложенными по годам) сохранились и ныне находятся в РГАЛИ (ф. 212, оп. 1, ед. хр. 23–33), но поступили они в архив в ноябре 1921 г. из Гохран в составе материалов, изъятых из банковских сейфов. Очевидно, что источником для А. П. Фальц-Фейн в данном случае послужило эссе Н. Берберовой (ср.: «Там лежали одиннадцать пакетов его писем к ней...» — Берберова Н. Указ. соч. С. 469), а Берберова, в свою очередь, «художественно обработала» свидетельство публикатора писем Н. Ф. Бельчикова в изд.: Письма Ф. М. Достоевского к жене. М.; Л., 1926. С. III («В личном архиве Ф. М. Достоевского, поступившем в Центральные архивы в ноябре 1921 года, <...> обнаружены одиннадцать пакетов с автографами писем

все время больна, по-видимому, малярией, которой заболела она, Е<катерина> П<етровна> и Федюша <еще> в Хосте. Ей все время было холодно в неотапливаемой [так] крошечной комнатке. Все, что у нее было из одежды, она накидывала на себя, но ежедневно вставала и продолжала свою работу. Обратилась в маленькую, сухую старушку.

Ее ежедневно навещал какой-то Иван Мих<айлович>, фамилия не названа²¹. Я писала Берберовой, спрашивая, не помнит ли она фамилию, она ее забыла. Да, вероятно, этого Ив<ана> Мих<айловича> давно нет на свете. Еще раньше А<нна> Г<ригорьевна> купила у него его место в склепе под церковью, где этот Ив<ан> Мих<айлович> и похоронил ее. Была послана им телеграмма Фед<ору> Фед<оровичу>, но он ответил, что нет никакой возможности приехать, — это был 1918-ый год, — из-за отсутствия транспорта.²² Через пять лет церковь разрушили, вынесли гроб А<нны> Г<ригорьевны>, разбили, останки выбросили²³. Об этом Е<катерину> П<етровну> уведомил сторож церкви. К счастью, как раз в Симферополь приехал Андрей²⁴. Немедленно поехал в Ялту, вместе с милицией

Федора Михайловича к Анне Григорьевне...»); С. 311 («Письма сохранялись Анной Григорьевной в особой клеенчатой сумке в одиннадцати бумажных пакетах...»). Кстати, аналогичным образом обстоит дело и с завещательной тетрадью А. Г. Достоевской («En cas de ma mort ou d'une maladie grave» — «На случай моей смерти или тяжелой болезни», *франц.*), которую также упоминает Н. Берберова и которой также не могло быть в Ялте в 1918 г.: она тоже поступила в Центрархив из Гохран и, как и пакеты с письмами, находилась в том же ящике из белой жести, обнаруженном в банковском сейфе (источник осведомленности Н. Берберовой в данном случае: Документы по истории литературы и общественности. Вып. 1: Ф. М. Достоевский. М.: Центрархив РСФСР, 1922. С. III).

²⁰ Сильно пострадавшее в годы Великой Отечественной войны здание было разобрано в конце 1940-х гг. Ныне на этом месте сквер на морской набережной Ялты.

²¹ Михаил Иванович Филиппов; о нем см.: Тихомиров Б. Н. Последние годы Ф. Ф. Достоевского (в связи с находкой его заграничного паспорта 1918–1921 гг.) // Достоевский и мировая культура. № 16. С. 165.

²² Подробнее об этом см.: Коган Г. Ф. Заграничный паспорт Ф. Ф. Достоевского 1918–1921 гг.; Тихомиров Б. Н. Последние годы Ф. Ф. Достоевского... // Достоевский и мировая культура. № 16. С. 152–173.

²³ А. П. Фальц-Фейн ошибается в сроках: разрушение церкви на Аутском кладбище Ялты произошло в начале 1930 г. Ср. свидетельство Е. П. Достоевской: «Весною этого [1930] года <...> меня уведомили из Ялты, что церковь, под которой была похоронена Ан<на> Гр<игорьевна>, снесена и могила засыпана. С большим трудом удалось мне найти того гробовщика, кот<орый> хоронил Ан<ну> Гр<игорьевну>; могила была открыта, очищена и <над ней> поставлен временный скромный железный крест с надписью, но, конечно, это <место> не может быть больше постоянным местом погребения верной спутницы жизни такого гения, как Федор Михайлович!» (Письмо к Г. И. Чулкову от 24 окт. 1930 г.); также см. письмо Е. П. Достоевской к А. Л. Бему от 14 мая 1930 г. (Достоевский и мировая культура. № 18. С. 199). Аутское кладбище не сохранилось, ныне на его месте парк. Стены разрушенной церкви, стоявшей справа при входе, вошли в состав более поздней гражданской постройки. Единственный уцелевший памятник — на могиле воинов, погибших в годы Первой мировой войны.

²⁴ Дополнительное подтверждение того, что А. П. Фальц-Фейн ошибается в сроках (см. предшеств. примеч.): в 1923 г. 15-летний А. Ф. Достоевский не мог совершить приписываемых ему здесь действий. Летом 1929 г. он вернулся в Симферополь из Новочеркасска (после отчисления «за дворянское происхождение» из Донского политехнического института); в 1930 г. провел несколько месяцев в Ленинграде, оформляя перевод в Ленинградский политехнический институт. Возможно, А. П. имеет в виду возвращение

собрали останки и в новом гробу похоронили на Аутском кладбище. Андрей долго не мог успокоиться, увидев еще в целости платье, обувь, седые волосы, покрытые наколкой. Остальное в области предположений. Вероятно, этот Иван Мих<айлович> взял к себе всю корзину с драгоценным содержимым.²⁵ Кажется, в 1921-ом году Федор Федорович был в Ялте²⁶ и, вероятно, взял все находящееся в корзине. Проездом в Москву он нам дословно сказал, что в Севастополе на вокзале чины ГПУ отняли у него чемодан²⁷. Несмотря на его разъяснения, просьбы, чемодан ему не вернули. К огорчению всех ценителей Ф<едора> М<ихайловича>, по-видимому, все содержимое корзины бесследно исчезло.²⁸ Одно еще знаю, что Евангелие,

Андрея из Ленинграда. Н. А. Гурьева-Смирнова, собиравшая в начале 1970-х гг. в Ялте материалы для романа «Анна Достоевская», свидетельствует, что в «сарайчике» у некоей «монашки Усти» хранился «большой кладбищенский крест» с могилы А. Г. Достоевской (*Гурьева-Смирнова Н. А. Анна Достоевская. Роман. М., 1993. С. 326*). Однако не вполне ясно: был ли это крест с первоначальной могилы близ церкви Успения на Аутском кладбище, или это тот самый крест, который в начале 1930-х гг. установил А. Ф. Достоевский после переноса могилы на кладбище по улице Батурина? (Также неизвестно и то, где он сегодня находится). Восстановленная могила была вновь утрачена в годы Великой Отечественной войны и повторно возобновлена в 1959 г. Ялтинским горисполкомом, который установил на ней мраморное надгробие. По воспоминаниям ялтинских старожилов, новая могила А. Г. Достоевской располагалась в глубине кладбища, на одной из его террас. Обелиск с этой могилы ныне хранится в фондах Музея К. А. Тренёва и П. А. Павленко (см. фото могилы в журнале «Женщины мира. 1963. № 10. С. 34; публикация А. Ф. Достоевского из личного архива).

²⁵ Предположение, что М. И. Филиппов (см. примеч. 21) был хранителем архива до приезда в Ялту Ф. Ф. Достоевского, основано лишь на факте близости этого лица к Анне Григорьевне в последние недели ее жизни и предоставления им своего фамильного склепа на Аутском кладбище для ее погребения. Но сама А. Г. Достоевская, как следует из недавно опубликованного архивного документа, «умоляла» быть распорядителем архива (и в частности, отправить после ее смерти какую-то «посылку» в канцелярию Московского Исторического музея) Петра Петровича Суханова (см.: *Достоевский и мировая культура. № 12. С. 253*). О личности этого человека, который на протяжении нескольких месяцев чуть не ежедневно посещал Анну Григорьевну сначала в отеле «Парк», а затем в гостинице «Франция», помогал ей деньгами и т.п., нам ничего не известно, кроме того, что он был доверенным лицом барона С. О. Тизенгаузена, с которым Анна Григорьевна вела переговоры о продаже ялтинского земельного участка (Там же).

²⁶ Выехав из Москвы в последних числах августа, Ф. Ф. Достоевский, через несколько фронтов, добрался до Ялты в самом начале ноября 1918 г. Погребение Анны Григорьевны (до этого гроб с июня находился в церковном подвале) состоялось 5 ноября 1918 г. (см.: *Достоевский и мировая культура. № 17. С. 477*).

²⁷ Подробнее об этом инциденте см.: *Тихомиров Б. Н. Последние годы Ф. Ф. Достоевского... С. 170–171. 14 декабря 2001 г. Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге направил соответствующий запрос в Центр общественных связей ФСБ Российской Федерации, на который был получен ответ, датированный 1 марта 2002 г.: «В результате проведенной проверки в Центральном архиве ФСБ и Главном информационном центре МВД России сведений об аресте Достоевского Ф. Ф. и судьбе рукописей его отца, писателя Ф. М. Достоевского, не выявлено». Также см. след. примеч.*

²⁸ Материалы архива А. Г. Достоевской, конфискованные у Ф. Ф. Достоевского севастопольской ЧК, позднее, по запросу Российского Исторического музея, были переправлены в Москву. В фонде А. Ф. Достоевского в ЦГАЛИ СПб (ф. 85, оп. 1, ед. хр. 139 / 9) хранится заверенная копия «Акта о получении Историческим музеем чемодана с рукописями (28 декабря 1921 г.)». Ныне архивные материалы из этого чемодана хранятся в РО РГБ (ф. 93). Однако нельзя сказать с полной определенностью, все ли изъятое в Севастополе у Ф. Ф. Достоевского поступило в Исторический музей.

кот<орое> было с Ф<едором> М<ихайловичем> в ссылке, находилось у Ф<едора> Ф<едоровича>. Дошли к нам слухи, что сожительница Ф<едора> Ф<едоровича> в Москве завладела и им, и всем, что принадлежало Ф<едору> Ф<едоровичу>²⁹. Так ли это, понятия не имею.

Забыла написать, что будто последние слова А<нны> Гр<игорьевны> были: «идол мой, на тебя молюсь».³⁰ Что касается рукописей Ф<едора> М<ихайловича>, они находились в сейфе А<нны> Г<ригорьевны>, кот<орый> перешел к Е<катерине> П<етровне>, в Петербурге, в Госуд<арственном> Банке. Там находилась рукопись «Бр<атьев> Карамазовых»³¹. За нее американцы предлагали по тем временам сто тыс<яч> дол<ларов>. Но А<нна> Гр<игорьевна>, будучи большой патриоткой, наотрез отказалась, считая, что каждая строчка, написанная Ф<едором> М<ихайловичем>, должна оставаться в России. Кроме «Бр<атьев> Карамазовых» в сейфе находилась рукопись «Пр<еступления> и Нак<азания>». Первую А<нна> Г<ригорьевна> завещала Федюше, вторую Андрею.³² Было ли что-либо еще — не знаю. В Симферополе еще в 20-х годах я прочла в газете, какой не помню, будто власти продали Стефан Цвейгу рукопись «Бр<атьев> Карамазовых» за 150 тыс<яч> рублей³³. Как Вам, вероятно,

²⁹ Здесь А. П. Фальц-Фейн, явно под влиянием сестры, брак которой с Ф. Ф. Достоевским фактически распался к 1916 г., совершенно несправедлива к гражданской жене сына писателя — Леокадии Стефановне Михаэлис (1896–1948). Известно, что после смерти Ф. Ф. Достоевского Л. С. Михаэлис, выполняя его предсмертную волю, передала Новый Завет, подаренный Достоевскому в 1850 г. в Тобольске женами декабристов, а также его письмо брату Михаилу из Петропавловской крепости с сообщением о пережитом на Семеновском плацу и замене смертной казни каторгой в Российский исторический музей. Об отношении Е. П. Достоевской к Л. Михаэлис также см. в ее письме к А. Л. Бему от 4 февраля 1935 г. (Достоевский и мировая культура. № 18. С. 218).

³⁰ Предсмертные слова обращены к покойному мужу — Ф. М. Достоевскому. Ср. в эссе Н. Берберовой: «Идол мой... молюсь на тебя» (Указ. соч. С. 474).

³¹ О поисках утраченной рукописи романа «Братья Карамазовы» см.: Письма из Maison Russe. С. 259–262; Тихомиров Б. Н. О тайнах рукописи «Братьев Карамазовых» // Смена. 2001. 17 января. № 7. С. 10–11.

³² Неточно. Три записных тетеради с подготовительными материалами к «Преступлению и наказанию» А. Г. Достоевская подарила обоим внукам — Федору и Андрею. В частности, на первом листе записной книжки, содержащей материалы ранней («висбаденской») редакции «Преступления и наказания», рукой А. Г. Достоевской сделана запись: «Эта записная книга подарена мною внукам моим Федору и Андрею Достоевским 28 января 1909 года. Анна Достоевская» (воспроизведено: *Достоевский Ф. М. Преступление и наказание*. М., 1970. С. 429). Отметим, что в этот день (годовщина смерти писателя) Андрею Достоевскому (1908–1968) исполнился 1 год, а его старшему брату Федору (1905–1921) шел 4-й год. В этот же день А. Г. Достоевская дарит внукам и черновую рукопись «Братьев Карамазовых»; беловая рукопись «Карамазовых» была подарена ею внуку Федиду в 1906 г. (библиографию вопроса см. в предшествах примеч.).

³³ О версии, согласно которой рукопись «Братьев Карамазовых» попала в коллекцию С. Цвейга, см.: *Зильберштейн И. С. Неизвестные страницы Достоевского* // Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 139–141; *Орнатская Т. И. К истории утраты рукописей романа «Братья Карамазовы»* // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 189–193. «Цвейговскую версию» в 1960-е гг. также излагал Б. И. Бурсову внук писателя — А. Ф. Достоевский, уверявший, что в 1920-е гг. рукопись «Карамазовых» «купил за баснословную цену <...> Стефан Цвейг, который после захвата власти Гитлером уехал в Аргентину, бедствовал <...> и, вместе с женой, покончил самоубийством» (Лит. газета. 1970. 16 сентября. № 38; критику этого сообщения см.: *Зильберштейн И. С. Указ. соч. С. 141*). Как оказывается, источником сведений для внука писателя также

известно, Ст. Цвейг не перенес отъезда с его Родины и покончил с собой, вместе с женой, в Буэнос-Айресе.

Все документы, кот<орые> находились у Е<катерины> П<етровны>, без ее ведома, ввиду того, что я могу умереть каждый день, — мне 87 лет (Е<катерине> П<етровне> — 83), — из страха, что они попадут в чужие руки и будут уничтожены, <я> считала своим долгом переслать Андрею для передачи Музею <Достоевского в Москве>.³⁴ Их немного. Охранная грамота Скадовских Раб<оче>-Кр<естьянских> <и> Красноарм<ейских> Деп<утатов> семье Д<остоевских>: «ввиду заслуг Ф<едора> М<ихайловича>, идти ей (то есть семье. — Е. В., Н. Б.) навстречу и ни в чем не притеснять»³⁵. Она была в довольно печальном состоянии. Андрей написал, что ее прекрасно реставрировали и она находится в Музее под стеклом.³⁶ Затем акты о рождении и крещении Феди и Андрея³⁷. Свидетельство о смерти Федюши³⁸, о кончине Ф<едора> Ф<едоровича>³⁹, разрешение об его погребении в Москве на Волковом кладбище⁴⁰, акт о покупке А<нной> Г<ригорьевной> склепа, свидетельство о ее кончине⁴¹, а также Любви Фед<оровны> в Больцано, Италия⁴². Благодарность Двор<янского> Собра-

послужило письмо к нему А. П. Фальц-Фейн из Ментоны (не сохр.); ср. в письме А. Ф. Достоевского Л. П. Гроссману. от 26 сентября 1958 г.: «Слыхали ли Вы, что будто бы Стефан Цвейг, проживающий [?] последнее время в Аргентине, незадолго до самоубийства, приобрел (в конце 30-х годов) экземпляр рукописи „Братья Карамазовы“ — мне об этом писала Нина Петровна, ссылаясь на газетные сообщения...» (РГАЛИ, ф. 1386, оп. 2, ед. хр. 263, л. 19). Отметим имеющий место в этих свидетельствах, восходящих в конечном счете к одному и тому же неизвестному источнику, разнобой в датах: в 1920-е гг. / в конце 1930-х гг. Поскольку до 1930 г. А. Ф. Достоевский жил в Симферополе с матерью и теткой, газетная публикация 1920-х гг. должна была бы стать ему известной *одновременно с ними*, поэтому представляется более предпочтительным указание на конец 1930-х гг. В таком случае информацию о покупке автографа «Братьев Карамазовых» С. Цвейгом А. П. Фальц-Фейн могла прочитать в годы фашистской оккупации Крыма в какой-либо коллаборационистской газете. Это допущение объяснило бы ее слова о том, что рукопись австрийскому писателю «продали власти», то есть сталинское руководство. В таком случае все контраргументы, приводимые И. С. Зильберштейном и основанные на датировке события 1920-ми годами, бьют мимо цели.

³⁴ См. об этом: Письма из Maison Russe. С. 324, 333–334.

³⁵ Текст этого любопытного документа см.: Письма из Maison Russe. С. 251; также см.: Достоевский и мировая культура. № 16. С. 167–168, — где указано на значение этого документа в поисках утраченных рукописей Достоевского.

³⁶ Кроме этого нотариально заверенная копия «Охранной грамоты» хранится в ЦГАЛИ СПб (ф. 85, оп. 1, ед. хр. 139 / 7).

³⁷ В настоящее время находятся в фонде А. Ф. Достоевского в ЦГАЛИ СПб (ф. 85, оп. 1, ед. хр. 114).

³⁸ Там же, ед. хр. 138.

³⁹ Там же, ед. хр. 138. Полный текст свидетельства о смерти сына писателя опублик.: Достоевский и мировая культура. № 16. С. 172 (публикация Б. Н. Тихомирова).

⁴⁰ Там же. У А. П. явная ошибка: Волково кладбище, как известно, находится в Петербурге. Скончавшийся в Москве Ф. Ф. Достоевский был погребен на 18-м (в современной нумерации) участке Ваганьковского кладбища. Поскольку недавние поиски захоронения сына писателя не дали результатов, можно полагать, что, вероятнее всего, его могила утрачена.

⁴¹ Там же, ед. хр. 137 / 1, 3.

⁴² Местонахождение этого документа неизвестно; также см. выписку о смерти Л. Ф. Достоевской из метрической книги скончавшихся в приходе Гриеса [пригород Больцано, Италия] за 1926 г.), опублик.: Любовь Достоевская: Санкт-Петербург — Больцано. Флоренция, 1999. С. 96–97 (публикация Б. Марбини-Цеггелер и М. Талалая).

ния Анне Гр<игорьевне> за пожертвование и устройство музея.⁴³ Самое ценное — на 8 стр<аницах> собственноручное письмо Ф<едора> М<ихайловича> брату Михаилу, писанное из Петропавл<овской> крепости всего час спустя после помилования на эшафоте⁴⁴. Его переживания. К сожаленью не знаю никого, у кого находились бы автографы Ф<едора> М<ихайловича>.

Пару слов о Федюше.⁴⁵ Если он не был, может быть, гениальным, во всяком случае — глубоко талантливым и во всем из ряда выходящим. С 10 л<ет> это был сформировавшийся, зрелый мужчина, друг и советчик матери, кот<орую> он буквально обожал. В то время когда Андрей интересовался всеми отраслями механики⁴⁶, — для Федеи весь смысл его короткой жизни заключался лишь в обожаемой матери, природе, кот<орую> он глубоко понимал и любил, и литературе. У него не было ни единого друга, товарища, мать заменяла ему всех. Все, что в его силах, он в те трудные годы делал, чтобы облегчить ей жизнь. Последнее — стирал ее блузки, как оказалось с темп<ературой> почти 39°, а на другой день слег в тифе, кот<орый> тогда свирепствовал, осложнившимся этим ужасным менингитом. Вероятно, наследие Ф<едора> М<ихайловича> — было глубоко религиозен, но без всяких сомнений Ф<едора> М<ихайлови>ча. Редкое явление в такие юные годы. Андрей спал <в одной комнате> со мной, Федя — с матерью⁴⁷. Часто она с волнением говорила мне о том, что когда он думает, что она заснула, становится на колени и долго о чем-то молится со слезами. Это Е<катерину> П<етровну> страшно мучило: чего ему не хватает? Последние два дня менингит открыл его тайну. Он всегда беспокоился, что у Е<катерины> П<етровны> неладит с сердцем. Видимо, боялся

⁴³ Имеется в виду созданный А. Г. Достоевской в Императорском Российском историческом музее, в комнате одной из его башен, специальный отдел, названный ею «Музей памяти Ф. М. Достоевского». Документ, о котором упоминает А. П. Фальц-Фейн, неизвестен; ср. хранящееся ныне в РГАЛИ «Письмо министра императорского двора Ф. Ф. Достоевскому о приеме в дар Историческому музею в Москве коллекции материалов о Ф. М. Достоевском» (1899) (Описание рукописей Ф. М. Достоевского. С. 549).

⁴⁴ В фонде А. Ф. Достоевского в ЦГАЛИ СПб (ф. 85, оп. 1, ед. хр. 132) хранится копия письма Ф. М. Достоевского к брату Михаилу от 22 декабря 1849 г., написанная «из Петропавловской крепости — всего час спустя после помилования на эшафоте», — которая по описи значится как автограф писателя. Однако автограф писателя хранится в Российской государственной библиотеке, куда был передан в 1923 г. Л. М. Михаэлис, выполнявшей предсмертную волю Ф. Ф. Достоевского (см. об этом: Достоевский и мировая культура. М., 1994. № 3. С. 33; источник найден Г. Ф. Коган). Возможно, Екатерина Петровна и Анна Петровна ошибочно принимали имеющуюся у них копию за оригинал, и эта ошибка отразилась даже в документах государственного архива. Но возможно, что это список, сделанный рукой самого писателя? (О том, что первоначально это письмо хранилось у вдовы М. М. Достоевского, Эмилиии Федоровны, и о том, что Федор Михайлович, «узнав об этом, стал очень просить отдать ему это письмо и увез его с собой», см.: Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 287).

⁴⁵ Федор Федорович Достоевский (1905–1921) — старший внук писателя.

⁴⁶ Об А. Ф. Достоевском в юности см. в воспоминаниях Е. Б. Польской «Внук писателя и его мать. Достоевские в Симферополе в 1928–1932 гг.» (Мера. 1995. № 1. С. 128–138).

⁴⁷ Е. П. Достоевская с сыновьями и А. П. Фальц-Фейн занимали квартиру из трех комнат (центральная большая комната и две смежные с ней боковые) на втором этаже двухэтажного так называемого (еще с дореволюционных времен) «дома Абрикосова», по ул. Воровского 22–8. Этот дом сохранился. Современный адрес «квартиры Достоевских» — ул. Воровского 24–75.

ее потерять. В бреду без конца повторял: «Мамочка, где ты? Тебя унесли, мою Мамочку, в сереньком пальто». И без конца: «Господи, Господи, возьми мою жизнь и сохрани Мамину». Пока трупа не стала (*так, в женском роде.* — Е. В., Н. Б.) костенеть, он все старался делать крестное знамение все с теми же словами, кот<орые> раздирали нам сердце. Когда он скончался, Е<катерина> П<етровна> подлезла под его кровать и до вечера мы не могли вытащить ее оттуда, точно она сошла с ума. Похоронен он на деревенском, а не на городском кладбище села Подгородня Петровское, в конце которого мы жили⁴⁸. [*Приписка на полях листа: На его могилке хулигане два раза разбивали памятник, с корнем вырывали все посадки, уносили все цветы, в конце концов Е<катерина> П<етровна> запретила приносить хоть один цветочек, чтобы чужие ноги не топтали ее святыни. На памятнике Феде строка из одного его стихотворения: «Ряд подавленных в сердце рыданий»⁴⁹.*] На горе оттуда открывается чудный вид на всю долину с фр<уктовыми> садами, и на горизонте его любимый Чатыр–Даг, которым он подолгу любовался с нашего балкона. Скончался он 14 окт<ября> по ст<арому> ст<илпо> в 1921 г., 16 лет. Был очень, очень красив, очень высокий, стройный. Его лицо видимо поражает всех необычайным выражением. Над кроватью Е<катерины> П<етровны> висит его очень большой портрет тушью, <когда> ему было тогда 11 л<ет>⁵⁰. Кто бы к нам ни вошел, почтальон, прачка, молочница и т.д., нет человека, кот<орый> мгновенно не обратил бы внимания на этот портрет и не спросил, кто это. Есть одна старушка–француженка, кот<орая> каждый год не приносила бы именно ему большой букет цветов. Андрей учился в гимназии, Федя нигде, Е<катерина> П<етровна> сама занималась с ним всеми предметами, включая латынь. Он прекрасно говорил по–фр<анцузски> и <по–>анг<лийски>. К сожалению, Андрей не воспользовался этой возможностью и упорно не хотел заниматься языками. Стихи Федюша начал писать с 10–летнего возраста. Содержание абсолютно взрослого человека. Почти все

⁴⁸ Правильнее — кладбище Петровско–Подгородней слободы, поскольку эта слобода с самого начала своего возникновения (конец XVIII в.) формировалась как часть города. Названное кладбище, расположенное ниже Петровских скал у городища Неаполиса Скифского, сохранилось до сих пор. По воспоминаниям симферопольского старожила Натальи Архиповны Филиной (Онищенко), с довоенных времен проживающей в том же «абрикосовском доме» и хорошо помнящей Е. П. Достоевскую и А. П. Фальц–Фейн, могила Ф. Ф. Достоевского–младшего располагалась в центральной части кладбища, справа от главной дорожки, ведущей от входа в глубь кладбищенской территории. Поиски могилы, проведенные Н. Н. Богдановым и А. В. Трубецким в январе 2002 г., к сожалению, оказались безрезультатными. Фотография могилы Ф. Ф. Достоевского (младшего) хранится: ЦГАЛИ СПб. ф. 85, оп. 1, ед. хр. 150.

⁴⁹ Полностью это стихотворение опубликовано в книге: Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. С. 155.

⁵⁰ Местонахождение этого портрета, бывшего с Екатериной Петровной до конца ее жизни, в настоящее время неизвестно. Скорее всего, именно о нем А. Ф. Достоевский сообщал Г. В. Коган в одном из писем конца 1958 г.: «... мне известно, что большой карандашный портрет брата Федора перекочевал к некоей В. Прянишниковой, живущей там же, в Ментоне» (Письма из Maison Russe. С. 339). О В. А. Прянишниковой, троюродной тетке А. Ф. Достоевского, см. примеч. 66. В конце 1950-х — пера. пол. 1960-х гг. между ними установилась вполне доброжелательная переписка.

я переписала Андрею⁵¹. Кроме несомненного литературного таланта — два стихотворения он сам переложил на музыку⁵², — он в равной степени, учась только у матери, настолько прекрасно, живо и художественно рисовал карандашом, пером, тушью, акварелью, что все художники, и здесь также, в один голос говорят, что он стал бы большим художником⁵³. Боюсь, если умру первой, все это — его портрет, стихи, рисунки погибнут. Е<катерина> П<етровна> *обожествила* Федю, для нее все, что его касается, — святыня, с кот<орой> она до смерти никогда не расстанется.

Андрей, если бы не увлекся механикой, тоже мог бы стать писателем. Мгновенно писал короткие рассказы. Несмотря на его живой, веселый характер, содержание его рассказов было всегда очень тяжелое, что объясняется тем, что и его коснулось то тяжелое время: вокруг трупы, вражда. Е<катерина> П<етровна> носила его рассказы проф<ессору> литературоведу Жирицкому, преподавателю Ун<иверсите>та⁵⁴. Он их очень одобрил и сказал, <что> если Андрей отдастся литературе, то из него выйдет писатель.⁵⁵ К сожалению, он избрал другую дорогу.

Что сказать о нас? У нас большая, прекрасная комната с большим окном на юг. Не подымая головы с подушки, я вижу синеву безбрежного моря. Направо — цепь скалистых, обезлесенных [*так*] гор. Обильная и приличная еда. Ментона — 11-ое место, куда нас занесла наша печальная Одиссея.⁵⁶ Вокруг великолепная, но для меня мертвая, театральная декорация — колючие кактусы и пальмы, серые эвкалипты и оливковые деревья, мрачные, унылые кипарисы и пинии. Вечно спокойное бирюзовое море. Изобилие роскошных цветов и ни одного полевого цветочка, кругом лишь дело человеческих рук. Ни единой птички. Никогда не сравню наш чудный, нежный, поэтический Крым с блестящей Ривьерой. Вы, может быть, мне не поверите — цветы здесь громадных размеров, в особенности гвоздики, но без малейшего аромата. В садах Крыма и яблоки, и груши почти все носят фр<анцузские> названия. Где они здесь? Несмотря на то

⁵¹ См.: *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 155–156. Кроме того известны еще стихотворения Ф. Ф. Достоевского: «Война, как много этот звук...» и «Черное море (подражание Кольцову)», автографы которых хранятся в ОР РГБ (см. по каталогу); копии (рукой Е. П. Достоевской) стихотворений «России» (1917), «Война» (1918) и «Родине» (1919) также хранятся в фонде рукописей Литературно-мемориального музей Ф. М. Достоевского в Петербурге (дар барона Э. А. Фальц-Фейна).

⁵² В том числе стихотворение «Осенняя песенка» (1919), опубликованное в книге: *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 155 (см. здесь же примеч. Е. П. Достоевской: «Была переложена на музыку, и Федюша мелодекламировал»).

⁵³ В фондах ГЛМ хранится альбом с рисунками Ф. Ф. Достоевского, переданный туда его братом А. Ф. Достоевским в начале 1960-х гг. Он был прислан из Ментоны в Ленинград А. П. Фальц-Фейн в бандероли от 7 мая 1958 г., после смерти Е. П. Достоевской (умерла 3 мая 1958 г.); см.: Письма из *Maison Russe*. С. 333–334.

⁵⁴ Жирицкий Леонид Владимирович (1874 — ок. 1950) — профессор Таврического университета, филолог, автор нескольких школьных учебников и методических пособий.

⁵⁵ Об отношении А. Ф. Достоевского к литературе, о его творческих опытах в 1920–1930-е гг. см.: *Польская Е. Б.* Внук писателя и его мать. Достоевские в Симферополе в 1928–1932 гг. С. 132–133.

⁵⁶ О «крутом маршруте» А. П. Фальц-Фейн и Е. П. Достоевской в 1943–1950 гг., с момента выезда из Симферополя и до последнего пристанища в доме для престарелых русских эмигрантов в Ментоне, см.: Письма из *Maison Russe*. С. 43–45, 262; уточнения см.: Достоевский и мировая культура. № 18. С. 232.

что наше имение находилось в Хер<сонской> губ<ернии> у Днепра, у нас были 50 дес<ятин> виноградников всех сортов необычайной сладости. Здесь весь виноград кислый. И в помине нет наших сочных, румяных, точно медовых абрикосов, здесь какие-то кислые, зеленые заморыши. Кто-то написал характеристику прославленной Ривьеры:

Les fleurs sont sans odeur,
Les fruits sans saveur,
Les femmes sans pudeur.⁵⁷

В защиту фр<анцузской> женщины должна сказать, что это преувеличение, это относилось к женщине Monpassant, Гур⁵⁸ и других. Теперь француженка, кроме high-life'a⁵⁹, — семьянинка, труженица.

Казалось бы, мы должны благодарить судьбу за обеспеченное существование. А вот 7 лет, что мы находимся в Maison Russe, привыкнуть к коммунальной жизни никак не можем. Никто во всем свете, живущий самостоятельной жизнью, не ценит в достаточной мере, какое это счастье быть своим собственным хозяином. Но хуже — entourage⁶⁰. Все мы, несчастные, потерпевшие кораблекрушение: чем помогать друг другу, своему соотечественнику, каждый норовит отравить жизнь своему ближнему. Запираемся, все годы вели жизнь монашенок. К великому сожаленью, нет ни гроша, чтобы покинуть эту, может быть золотую, но клетку. Ни струи свежего воздуха. Иногда чувствую, что обращаюсь в настоящую идиотку, задыхаясь в этом стоячем болоте.

С тоской смотрю не только на поезд, кот<орый> проходит вблизи дома, но на самые прозаичные телеграфные столбы. Поезд имеет свою определенную цель. Столбы же ведут в неведомую даль, где живет l'oiseau bleu⁶¹, наша Жар-Птица, мечта, мираж никогда недостижимого Счастья.

Надо кончать. И так отняла у Вас много ценного для Вас времени. У меня к Вам просьба, чтобы вопрос о состоянии Е<катерины> П<етровны> остался между нами, не дошел бы до Музея, хотя, боюсь, там найдут по меньшей мере странным письмо, посланное Г.В. Коган в ответ на ее чрезвычайно милое, сердечное письмо с ее согласием принять дорогую для нас семейную группу⁶². Я написала Е<катерине> П<етровне> черновик. К сожалению, она кое-где переделала по-своему. Первая фраза имеет мало смысла. В конце листа списаны точно две мои фразы, перевернув

⁵⁷ Цветы без запаха, / фрукты без вкуса, / женщины без совести (франц.).

⁵⁸ Мопассана, Жип [псевдоним писательницы графини де Мартель] (франц.).

⁵⁹ Высшего света (англ.).

⁶⁰ Антураж, окружение, окружающая среда (франц.).

⁶¹ Синяя птица (франц.).

⁶² «Семейной группой» здесь названа картина «Семейство Полянских», написанная сестрой бабушки Екатерины Петровны и Анны Петровны — Варварой Федоровной Черновой. См. об этой картине письмо А. П. Фальц-Фейн от 1 февраля 1958 г. (Письма из Maison Russe. С. 226–227). В письме к Г. В. Коган конца 1958 г. А. Ф. Достоевский сообщил: «А известный Вам семейный портрет (масло), который Нина Петровна хотела переслать в музей, на что она получила „лицензию“, поехал „жить“ в Париж» (Там же. С. 339). По-видимому, портрет попал к Анастасии Александровне Траскиной, троюродной сестре (по линии матери) А. П. Фальц-Фейн и Е. П. Достоевской (на портрете изображены и ее родственники).

страницу, наверху слово в слово те же две фразы, три раза точное повторение об Андрее. В конце выражение «надежды» — на что? Понять я так и не могла. Просила, убеждала, молила переписать письмо, говорила, что такое письмо посылать нельзя. Но она страшно упряма, собственноручно отнесла это письмо на почту.⁶³

20-го октября.

Вы думаете, что уже избавились от меня? Я увидела, что еще не ответила на Ваше желание узнать что-либо о несчастном Андрее. Три года он мученик-страдалец. Удивляюсь, что он не решился тогда же на операцию, когда он только начал болеть язвой желудка. Довел себя до крайности. Недавно два мес<яца> находился в клинике. Его исследовали, как он написал, знаменитый рентгенолог и не менее знаменитый хирург, кот<о-рый> только что вернулся из Копенгагена и Парижа, где на Съезде читал доклад о своих работах. Результат — немедленная операция. Предупредили: тяжелая, сложная, может продлиться 4½ — 5 ч<асов>. Снять спайки с желудка, вырезать с него [так] язву, а затем снять спайки с 12 пер<стной> кишки и снова вырезать с нее язвы. А он писал, что он очень истощен длительной голодовкой, страданиями, рвотами, очень слаб, худ как скелет. Вы представляете себе, что я, вдали от него, переживала? Еще счастье, что за ним так самоотверженно ухаживала милая Тамара.⁶⁴

К великой моей радости и счастью, он остался жив. Операция длилась всего 3 ч<аса>. Вырезали ¼ желудка, пишет, <что> через год это все «устроится», вырезали кусок 12 п<ерстной> кишки. Темпер<атура> выше 37,5 не подымалась. Был момент — опасались восп<аления> легких, удалось ликвидировать.⁶⁵ Я так счастлива! Авось теперь с Тамарой заживут жизнью нормальных людей. Не знаю, почему он на ней не женится. Видно: и любит, и ценит. <...> Если бы Вы знали, как мне тяжело видеть полное равнодушие Е<катерины> П<етровны>. Ничто не доходит до ее сознания, ни то, что Андрей был на краю могилы, ни то, что его спасли, даровали жизнь. Для меня наши русские врачи были всегда во всех отношениях выше всяких похвал, наилучшими среди других стран. Кроме того меня глубоко трогает отношение власть имущих и лит<ературного> о<бщест>ва к Андрею — все стараются ему помочь и пойти навстречу. Трогательно отношение к нему и Тамары, и властей. Радуюсь, что он получил персональную пенсию, кот<орая> даст ему возможность заняться литературной работой. Меня чрезвычайно трогает доброе отношение к Андрею. Очень надеюсь, что операция даст ему возможность, как и он сам пишет, внести лепту на благо нашей великой Родины.

Писала среди обычной ежедневной работы с перерывами и вижу, что и я повторяюсь. На мне все годы лежит вся физическая работа — уборка комнаты, раз в неделю мою пол и окно, Е<катерина> П<етровна> не позволяет, чтобы к нам входила уборщица, свое белье отдаю прачке, Е<ка-

⁶³ Письмо Е. П. Достоевской к Г. В. Коган от 10–15 сентября 1957 г. и комментариев к нему см.: Там же. С. 221–222, 328–329.

⁶⁴ Тамара Александровна Выносова (р. 1932), близкая подруга А. Ф. Достоевского.

⁶⁵ А. Ф. Достоевского оперировал хирург П. Е. Загородный; см.: Письма из Maison Russe. С. 330–331 (письмо А. Ф. Достоевского к Г. В. Коган от 25 октября 1957 г.).

терина> П<етровна> не позволяет, стираю я. Четыре раза из кухни приношу еду, мы живем на 3-ьем эт<аже>, лифт такой же старенький, как и все мы, но болеет он чаще; четыре раза мою посуду, кастрюли. Е<катерина> П<етровна> не хочет обедать в столовой, а в нашей комнате — и что делать? Лишь бы не слечь, мое здоровье стало хуже, чем у Е<катерины> П<етровны>.

Надеюсь очень, что все, что писала об Е<катерине> П<етровне>, останется между нами. Вам я вынуждена об этом написать, т<ак> к<ак> надо же было объяснить, почему Е<катерина> П<етровна> сама не отвечает на Ваши вопросы.

Просьба. Если бы Вы когда-нибудь захотели мне написать, прошу: не пишите больше на наш адрес, я могу быть в отсутствии, а Е<катерина> П<етровна> не читая может порвать письмо. Даю адрес нашей кухни, кот<орая> 25 лет заведовала этим домом.

Madam Valerie Prianichnikoff⁶⁶;

Maison Russe. Ch. 14. Menton, A. M., France.

Для Нины Петровны.

[*Приписка на полях первого листа:*] Шлю Вам искренний привет, желаю Вам полного удовлетворения и успеха в Вашей плодотворной деятельности и легкой зимы.

Ваша Н<ина> П<етровна>.

[*Адреса на конверте:*]

Recommandee

Madame Vera Netchaewa,

Moscou, RSFSR.

Вере Степановне Нечаевой,

Ин-тут Мировой Литературы им. Горького,

ул. Воровского, д. 25/а.

Москва, АН СССР.

[*На обороте:*] Exp. C. de Dostoievsky. Maison Russe. Menton, A. M., France.

[п. ш.] 22–10–1957 [Menton]; 3–11–1957 [Москва].

*Подгот. текста Е. М. Варенцовой и Н. Н. Богданова,
вступ. заметка и примеч. Б. Н. Тихомирова и Н. Н. Богданова*

⁶⁶ Валерия Александровна Прянишникова (1887 — не ранее 1964) — троюродная сестра Анны Петровны и Екатерины Петровны по линии матери. Именно при ее посредстве сестры в конце 1949 — начале 1950 г. оказались в доме для престарелых русских эмигрантов (Maison Russe) в Ментоне. После окончания директорства В. А. Прянишникова осталась жить в Maison Russe на положении пансионерки. В ЦГАЛИ СПб хранится фотография А. П. Фальц-Фейн и Е. П. Достоевской совместно с В. А. Прянишниковой, ее сестрой А. А. Траскиной и мужем последней — И. В. Траскиным (ф. 85, оп. 1, ед. хр. 147 / 11).